

Цветы Розалии Семеновне Гинзбург:
к 110-летию со дня рождения

Раиса И. Розина

*Институт русского языка им. В.В. Виноградова
Российской академии наук, Москва, Россия;
Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, rrozina@yandex.ru*

Аннотация. Статья посвящена роли Р.С. Гинзбург, много лет проработавшей на кафедре лексикологии МГПИИЯ им. Мориса Тореза (ныне МГЛУ), в развитии современной лингвистики, в частности лексикологии, и в воспитании целого поколения лингвистов и преподавателей.

Ключевые слова: семантика, лексикология, таксономический класс, лексика и грамматика, скрытые семантические признаки, английский язык

Для цитирования: Розина Р.И. Цветы Розалии Семеновне Гинзбург: к 110-летию со дня рождения // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 12 (45). С. 149–154.

Flowers to Rozaliya Semenovna Ginzburg for her 110th birthday

Raisa I. Rozina

V.V. Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, rarozina@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the role of R.S. Ginzburg, who worked for many years at the Lexicology Department of Maurice Thorez Moscow State Pedagogical Institute (now MGLU), in the development of modern linguistics, lexicology in particular and in bringing up a generation of linguists and teachers.

Keywords: semantics, lexicology, taxonomic class, lexis and grammar, hidden semantic features, English

For citation: Rozina RI. Flowers to Rozaliya Semenovna Ginzburg for her 110th birthday. *RSUH/RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;12(45):149-54.

Каждый раз, когда я иду от метро Новослободская по улице Чайанова к главному входу РГГУ, немного не доходя до него, я смотрю направо. Там, в углу у ворот, есть дверь, в которую я входила много раз в течение семи лет, начиная с осени 1971 года. Я поднималась по лестнице на второй этаж и звонила в квартиру, в которой жила Розалия Семеновна Гинзбург. Когда в этой квартире 40 лет назад праздновали 70-летие Розалии Семеновны, она подарила мне свою фотографию с надписью: «Рае на долгую память о недолгом знакомстве». Надпись оказалась пророческой: Розалии Семеновны через полгода не стало, а я постоянно вспоминаю ее с восхищением и благодарностью – и совсем не только тогда, когда иду по улице Чайанова.

Я попала в подопечные Розалии Семеновны после того, как меня не оставили в аспирантуре в Московском университете. Не буду рассказывать всех перипетий этой истории. Скажу только, что как-то удачно сложились самые разные случайные обстоятельства, и рекомендации нескольких людей привели меня с дипломной работой в сумке к двери Розалии Семеновны.

Розалия Семеновна сначала отнеслась ко мне с некоторой настроенностью, причину которой я поняла гораздо позднее – как оказалось, я пришла с рекомендацией от человека (не хочу называть его фамилию), которого Розалия Семеновна не уважала, но тем не менее мою дипломную работу о передаче культурных реалий в переводе романа Айрис Мердок «Красное и зеленое» она прочла, работа ей понравилась, а звонок Розалии Семеновны моей руководительнице Лидии Николаевне Натан, которую Розалия Семеновна и уважала, и любила со времен своей работы в Московском университете, с вопросом, что я собой представляю, решил дело. Предполагалось, что осенью я поступлю к Розалии Семеновне в очную аспирантуру, а пока я начала ходить на лекции, которые Розалия Семеновна читала на курсах повышения квалификации преподавателей английского языка различных вузов. Уверенно могу сказать, что несмотря на репутацию Московского университета и на гордое, не один раз произнесенное утверждение заведующей кафедрой английского языка филологического факультета Ольги Сергеевны Ахмановой: «Мы делаем науку», я никогда не слышала в университете лекций такого уровня.

Направления в очную аспирантуру от ИНИОН РАН, в котором я работала, мне не дали. Пришлось поступать в заочную. Места для заочной аспирантки у Розалии Семеновны не было, но независимо от этого она решила меня опекать – и опекала все годы, начиная со дня вступительного экзамена. Вообще Розалия Семеновна была человеком, которого все уважали, и ей достаточно было поднять телефонную трубку и позвонить, чтобы ее просьба была выполнена. А просьбы Розалии Семеновны обычно касались ее аспирантов и подопечных. Не помню, чего у меня не хватало из документов, и вообще в чем было дело, но помню, что Розалия Семеновна позвонила тогдашней заведующей аспирантурой Алле Гилелевне – и проблема была решена мгновенно.

На вступительный экзамен Розалия Семеновна пришла проследить, чтобы из-за какой-нибудь случайности меня не провалили. Мой вступительный реферат был посвящен проблеме нормы, и поэтому комиссия решила, что я буду заниматься социолингвистикой под руководством Александра Давидовича Швейцера. В течение четырех лет моей заочной аспирантуры у меня были официальный руководитель А.Д. Швейцер и «подпольный» – Розалия Семеновна Гинзбург.

Розалия Семеновна сказала мне: «Если бы Вы были моей, я бы увела Вас в семантику», и я нашла компромиссную тему – модели семантического переноса, которые получают отрицательную оценку говорящих, т. е. являются ненормативными, приводят к появлению сленга. Эта тема определила мою научную судьбу на долгие годы.

Начались наши регулярные встречи с Розалией Семеновной. Они заключались в том, что я отдавала Розалии Семеновне очередной написанный кусок, а Розалия Семеновна меня критиковала жесточайшим образом. Читала она чрезвычайно внимательно, выписывала своим крупным почерком номера страниц, на которых какие-то места вызывали ее замечания, и подробно эти места разбирала. Как сейчас помню: мы сидим за столом в кабинете Розалии Семеновны, – там как-то особенно тепло и уютно, на начищенном паркетном полу наискосок лежит шерстяная молдавская дорожка, с книжного шкафа рядом свисают ветви декабриста, цветущего, как рождественская елка, а Розалия Семеновна рассказывает мне о моих «грехах» своим глуховатым голосом – она ведь очень много курила, с войны, наверное. В процессе этих обсуждений постепенно рождалась диссертация. Я думаю, что все, прошедшие школу Розалии Семеновны, работают со своими студентами и аспирантами именно так.

Я была москвичка, мне было легче жить в огромном городе, а о своих иногородних аспирантах Розалия Семеновна трогательно заботилась: добивалась, чтобы их селили в общежитии около метро Китай-город поближе к Инязу, присылала им учеников, чтобы они могли подработать, – ведь аспирантская стипендия была крохотной, как, впрочем, и сейчас; заботилась о том, чтобы во время своего трехлетнего пребывания в Москве они успели кое-что посмотреть, например, отдавала им билеты в хорошие театры, которые просто так нельзя было купить, – их покупал по своей льготной книжечке муж Розалии Семеновны, Федор Тимофеевич Архищев, преподаватель Высшей партийной школы и заместитель директора Института философии АН СССР; селила их у себя на даче. Все защиты – и моя в том числе – отмечались у Розалии Семеновны дома. Мобилизовывалась Юля, домработница Розалии Семеновны, и за великолепным накрытым ею столом сидели бок о бок аспиранты и преподаватели кафедры.

Вокруг Розалии Семеновны всегда существовало аспирантское сообщество. Все ее аспиранты знали друг друга, очень часто становились друзьями, приходили на домашний семинар, который организовала Розалия Семеновна и на котором обсуждались и новые книги, и написанные части диссертаций. После смерти Розалии Семеновны возникла пустота, которую очень трудно было пережить. Некому было позвонить, не с кем посоветоваться... Мы собирались с Розалией Семеновной встретиться, чтобы обсудить тему моей будущей докторской диссертации, – не успели, и я долго мыкалась в поисках проблемы, которой могла бы заниматься.

Одна черта Розалии Семеновны поражала меня не меньше, чем ее острый ум и сильный характер. Розалия Семеновна была «пра-

вильным» для того времени человеком, активным членом партии и разделяла официальную идеологию. Но я несколько раз убеждалась по каким-то ее словам и поступкам, что внутри Розалия Семеновна точно знает, как все обстоит на самом деле, и поступает не в соответствии с идеологией, а исключительно как велит ее совесть.

Как и ее учитель Александр Иванович Смирницкий, Розалия Семеновна оставила мало печатных работ. Все ее время было занято встречами с аспирантами и преподаванием. Поэтому ее научное наследство – не труды, а поколения выращенных ею ученых. Помню, как на одной конференции в Инязе объявили доклад Розалии Семеновны – и зал встал и зааплодировал: это были ученики Розалии Семеновны.

Две идеи Розалии Семеновны, недооцененные при ее жизни, были подхвачены современной лингвистикой: это идея о существовании скрытых компонентов значения, оказывающих влияние на сочетаемостные свойства слов, и идея о зависимости целого ряда свойств слова от его принадлежности к тематическому классу.

Розалия Семеновна делила всех людей, так или иначе занимавшихся описанием языка, на две категории: лингвисты и нелингвисты. «К сожалению, она не лингвист», – могла про кого-нибудь сказать она, и это значило, что человек попал в низшую категорию. Мне очень хочется надеяться, что, несмотря на все мои метания, занятия комментариями к текстам английских и американских писателей, разнотемье, я все-таки попала в первую, высшую категорию по классификации Розалии Семеновны Гинзбург. Сама она была лингвистом от Бога.

Информация об авторе

Raisa I. Rozina, доктор филологических наук, профессор, Институт русского языка им. В.В. Виноградова Российской академии наук, Москва, Россия; 119019, Россия, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; rarozina@yandex.ru

Information about the author

Raisa I. Rozina, Dr. in Philology, professor, V.V. Vinogradov Institute of Russian Language of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 18/2, Volkhonka st., Moscow, Russia, 119019; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; rarozina@yandex.ru

Московские лингвисты: биографии и воспоминания

В 2004 году вскоре после кончины Юрия Семеновича Мартемьянова «Московский лингвистический журнал» (том 8, вып. 1) опубликовал представительную подборку воспоминаний о нем, написанных А.В. Гладким, А.К. Жолковским, Н.Н. Леонтьевой, И.А. Мельчуком.

В 2008 году в томе 10 («Вестник РГГУ» № 6) журнал поместил текст выступления Ю.Д. Апресяна на вечере, посвященном 75-летию со дня рождения Юрия Семеновича.

Проходят годы, но облик и место этого выдающегося ученого в нашей лингвистике становится лишь реальней и отчетливей. В настоящем номере напечатаны два новых мемуарных очерка о Ю.С. Мартемьянове. Они показывают его в новом ракурсе, поскольку принадлежат уже не соратникам, а ученикам Юрия Семеновича, работавшим под его руководством в совместных прикладных проектах Всесоюзного центра переводов и Киевского университета.